

что честный и исполненный жертвенности образ действий оценен людьми с благородным сердцем – даже если они наши противники, ибо в смысле цели или возможности для будущего, я полагаю, события не обещают ничего хорошего, по крайней мере на то время, когда я еще смогу активно действовать, имея перед собой ту широкую цель, которую, как я предполагаю, вы преследуете; несмотря на это, я вам чувствительно признателен за сие явное доказательство ваших добрых намерений по отношению ко мне. Если вы хотели произвести посев, поверьте мне, зерно попало не на бесплодную почву. Благоволите, прошу вас, принять вместе с моей благодарностью и выражение истинного уважения и глубокой почтительности.

Генерал Генрик Д е м б и н с к и й

На обороте:

Господину Александру Герцену
(Англия)

¹ Вероятно, Ю. Балашевич-Потоцкий, с 1859 г. штатный агент-провокатор III Отделения; его целью было всячески противодействовать польскому освободительному движению и препятствовать сближению деятелей польской революции с Герценом и Огаревым. Большие надежды в своей “деятельности” этот ловкий и удачливый агент возлагал на Дембинского, чье доверие сумел завоевать, выдавая себя за представителя несуществующей патриотической организации. При этом он оказывал генералу значительную материальную поддержку (счета за выплаченные им Дембинскому суммы он пересылал для оплаты в III Отделение). Обращает на себя внимание тот факт, что в одном из писем Балашевича-Потоцкого к Дембинскому от 23 июля 1861 г. также идет речь о какой-то медали, на которой будто бы выгравировано имя Балашевича (т.е. самого Потоцкого). Отвечая на вопрос Дембинского, кто это такой, Потоцкий уверял своего корреспондента, будто Балашевич – это “один из превосходнейших пропагандистов нашего дела”, который “распространял сочинения Герцена и прославил его” (“Raporty szpiega”, opracował R. Gerber, t.1.W. 1973, s. 81). Упоминание в связи с этой “медалью” фамилии Герцена дает повод предполагать, что в письме идет речь об аналогичной медали. В переписке Герцена за 1859 и следующие годы нет никаких следов того, что по его инициативе были выбиты какие-то меморативные знаки в честь польских деятелей. Этот не лишенный интереса эпизод нуждается, разумеется, в дополнительных разысканиях.

² О каком подлинном или мнимом члене Централизации говорится далее, неясно.

³ Личность этого русского установить не удалось.

⁴ Н. Трюбнер, лондонский издатель Герцена.

Л. МЕРОСЛАВСКИЙ

Людвик *Мерославский* (1814–1878) – польский генерал, участник восстания 1830–1831 гг., в апреле–мае 1848 г. сражался в Познани во главе польских повстанцев; в мае 1849 г. он принял на себя командование революционной Баденской армией, действия которой закончились полным поражением. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 16 октября 1856 г., характеризуя Мерославского, отметил как преобладающее в нем чувство – “ненависть к России” (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 61–62). Мерославский выступал против создания русско-польского революционного союза. Во время восстания 1863 г. он был назначен диктатором, но сразу же по прибытии в Польшу его малочисленный отряд был разбит царскими войсками.

Публикуемое письмо, по-видимому, адресованное К. Фогту и А.А. Герцену, несомненно, предназначалось для самого Герцена, вследствие чего оно и включено в эту подборку.

В статье “Frisant la question polonaise” (1868) Герцен писал, вероятно, о публикуемом ниже письме:

“Я никогда не имел удовольствия быть представленным г. Мерославскому (...) и все наши взаимоотношения ограничиваются одним весьма любезным письмом, с которым он ко мне обратился после появления моих статей “Vivat Polonia!” и “Mater Dolorosa” – письмом, на которое я ответил несколькими словами симпатии и уважения” (XX, 292). Эти “несколько слов” Герцена, обращенных к Мерославскому, остаются неизвестными.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. Окунько на языке оригинала в *ААН*, 272–273.

Перевод с французского:

(Париж.) 7 мая 1861 г.

Милостивые государи,

Крайне огорчен невольным недоразумением, которое мешает мне расцеловать сына нашего благородного и прославленного Герцена. Я видел в Берне этого милого ребенка, этот цветок, пустивший ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд¹; судите же, как огорчен я тем, что лишен возможности увидеть в нынешнем удалом юноше опровержение этих мучительных воспоминаний и утешение! Пусть он, по крайней мере, знает это и пусть передаст своему благородному отцу, что только новая гекатомба 8 апреля² смогла помешать мне сжать его в своих объятиях. Автор “Vivat Polonia!” и “Mater Dolorosa” поймет это мрачное препятствие, памятный знак которого я присоединяю к сим нескольким строкам искреннего извинения. Не можете ли вы, впрочем, отложить хотя бы на день свой отъезд и щедро почтить меня своим вниманием, зайдя еще раз завтра утром, чтобы устно принять выражение моей искренней и признательной дружбы?

Всецело преданный вам Людвик Мерославский

¹ Дата ошибочно обозначена в автографе: 7 апреля. Она уточняется нами по содержанию: К. Фогт и Саша Герцен проезжали в начале мая 1861 г. через Париж, направляясь в Лондон, где должно было начаться их путешествие в Норвегию и Исландию. В Лондоне им предстояла встреча с Герценом. Упомянутая в письме статья Герцена в защиту Польши “Mater Dolorosa” была напечатана в “Колоколе” 1 мая 1861 г.; следовательно, в письме от 7 апреля она не могла еще быть известна Мерославскому.

Мерославский мог видеть десятилетнего сына Герцена в Берне только осенью 1849 г. Называя его “цветком, пустившим ростки на нескольких могилах после явной гибели всех наших надежд”, т.е. надежд на успех революции, он намекает на гибель при кораблекрушении бабушки и брата Саши Герцена – Коли (1851), а также на смерть его матери (1852), т.е. в период, последовавший за революциями 1848–1849 гг.

² См. статью Герцена “10 апреля 1861 и убийства в Варшаве” (XV, 65–67), а также след. письмо.

Ю.-Б. ОСТРОВСКИЙ

Юзефат-Болеслав *Островский* (1803–1871; псевдоним *Ибус*) – плодовитый польский писатель, участник восстания 1830–1831 гг., политический эмигрант. В конце 1830-х годов был изгнан из Франции, однако в 1844 г. возвратился и стал работать переводчиком в полицейской префектуре – возможно, являясь одновременно осведомителем о польской эмиграции. В своих донесениях в III Отделение его штатный сотрудник Ю. Балашевич-Потоцкий часто упоминает об Островском, называя его своим агентом, однако документальные доказательства этого не обнаружены. Умер Островский в Мо под Парижем, где скрывался во время Парижской коммуны, опасаясь разоблачения и кары за свое сотрудничество с французской полицией.

Публикуемый ниже документ был опубликован как открытое письмо (на польском языке) в газете “Dziennik Poznański” (№ 61 от 12 июля 1861 г.). Этой публикации предшествовало изложение статьи “Петербургский университет” из “Колокола” (л. 102 от 1 июля 1861 г.) – о студенческих волнениях в связи с панихидой по жертвам варшавской резни 27 февраля – со следующей вступительной заметкой: “Господин Ю.-Б. Островский, литератор, польский эмигрант, известный своими прежними резкими выступлениями, обратился от имени польских изгнанников в Париже со следующим адресом к известному русскому публицисту Александру Герцену...”

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано М. Окунь на языке оригинала в *ААН*, 274–276.

Перевод с французского:

(Париж. 24 мая 1861 г.)

Милостивый государь,

Узнав о вашем благородном негодовании, вызванном кровопролитиями в Варшаве 27 февраля и 8 апреля 1861 г., которые, как вы сами утверждаете, были с таким вероломством задуманы и так жестоко осуществлены, мы сочли своим долгом